

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА /
THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.132.2>

ЯЗЫК ЛЮДЕЙ, ЯЗЫК БОГОВ – ВЗГЛЯД ДЖАМБАТТИСТА ВИКО

Научная статья

Тагиров М.Р.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-7766-3916;

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (don_marsel22[at]mail.ru)

Аннотация

Цель исследования – отразить взгляды итальянского философа Джамбаттиста Вико, дополнив известную оппозицию «языка богов» и «языка людей» в мифопоэтической традиции индоевропейских народов, используя элементы его «Новой науки». Эта оппозиция выражается в том, что образуется метафора распознавания различных уровней языка в пределах одного лексикона, в результате один и тот же предмет или явление названы различными именами. Научная новизна исследования обусловлена недостаточной изученностью наследия Джамбаттиста Вико, в качестве теоретика развития исторических обществ, а также в комплексном анализе истории возникновения «языка богов и языка людей». Полученные результаты показали, что в оппозиции сакрального и профанного имени Вико обнаруживает язык, ошибочно названный Гомером «языком богов».

Ключевые слова: Дж. Вико, цикл, поэтика, язык людей, язык богов, миф.

THE LANGUAGE OF MEN, THE LANGUAGE OF THE GODS – GIAMBATTISTA VICO'S VIEW

Research article

Tagirov M.R.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-7766-3916;

¹ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

* Corresponding author (don_marsel22[at]mail.ru)

Abstract

The aim of the study is to reflect the views of the Italian philosopher Giambattista Vico, supplementing the well-known opposition between the "language of gods" and the "language of men" in the mythopoetic tradition of the Indo-European peoples, using elements of his "New Science". This opposition is expressed in the fact that the metaphor of recognizing different levels of language within the same lexicon is formed, with the result that the same object or phenomenon is called by different names. The scientific novelty of the study is due to the lack of study of the legacy of Giambattista Vico, as a theorist of the development of historical societies, and in a comprehensive analysis of the history of the emergence of the "language of gods and the language of men". The findings show that in the opposition of the sacred and the profane, Vico discovers a language mistakenly referred to by Homer as the "language of the gods".

Keywords: G. Vico, cycle, poetics, language of men, language of gods, myth.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена значимостью наследия Джамбаттиста Вико – теоретика развития исторических обществ и необходимостью анализа его взглядов, которые важны для понимания картины мира древних обществ. Являясь предшественником Чарльза Сандерса Пирса в области семиотики культуры, этот ученый одним из первых обозначил истоки гуманитарного знания, особенно важного на пути осмысления человеческого прогресса.

Для достижения указанной цели исследования решаются следующие задачи:

во-первых, описать и проанализировать различия и целесообразность возникновения таких понятий, как «язык богов», «язык героев» и «язык людей»;

во-вторых, анализируя найденный материал, обосновать значимость добавления термина «язык героев» в оппозицию «язык богов/язык людей».

Методы и принципы исследования

Для осмысления идей Вико, воплощенных в его основном труде «Новая наука», в статье применяется следующий метод исследования: метод сплошной выборки, с помощью которого обнаружены примеры для иллюстрации и обоснования идеи «о трех языках первых древних языческих наций», поддерживаемой Вико. Этот метод обеспечивает описание рассуждений Вико путем системного подхода. Теоретической базой исследования, наряду с «Новой наукой» Вико, послужили биографические работы мыслителя, древние литературные памятники, публикации зарубежных и отечественных авторов, которые рассматривают противопоставление сакрального и профанного языков. Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемый в статье философско-поэтический потенциал наследия Вико, вновь ставший актуальным, может быть использован в качестве материала в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и факультативных семинаров по семиотике и поэтике

индоевропейской традиции. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников, учебных пособий.

Основные результаты

Исследователи давно обратили внимание на противопоставление языка людей и языка богов, которое представляет собой одну из важнейших тем в индоевропейской поэтике. В ней особое внимание уделено иерархизации лексики в эстетически маркированные и немаркированные формы. Платон в своём диалоге «Кратил» говорил о том, что имена вещей могут быть двойственными: они имеют естественную форму, присущую им от природы, или второе имя, имеющее условие договора между людьми:

«А что, Сократ, говорит Гомер об именах? И где? – Во многих местах. А больше и лучше всего там, где он различает, какими именами одни и те же вещи называют люди и какими боги. Или ты не находишь, что как раз здесь им сказано нечто великое и удивительное по поводу правильности имен? Ведь совершенно ясно, что уж боги-то называют вещи правильно – теми именами, что определены от природы» [1, С. 623].

Заметим, что «...стигматизации такого типа может подвергнуться как лексика, так и грамматика» (здесь и далее перевод текстов наш – М.Т.) [2, С. 182].

При анализе текста основного труда жизни Джамбаттиста Вико главным объектом нашего внимания является разработанная им теория языка. Произведение Вико состоит из Пятикнижия. Во второй книге «О поэтической мудрости» авторское определение «поэтический» имеет в своем значении оттенок «концентрированного смысла», выражающего его смыслополагающее начало. Руководствуясь этим положением, в соответствии с тремя видами природы человеческого общества Вико приводит три вида соответствующих языков, которые в совокупности составляют словарь его «науки вещей человеческих». Эту мысль Вико использует как филологическую аксиому в качестве первого основания для его Новой науки, давая при этом ссылку на знания древних египтян «о трех веках человеческих». Далее в качестве доказательства Вико приводит примеры цитат из «Илиады» Гомера, показывая, что греки считали так же. Первым таким доказательством является отрывок, где Гомер рассказывает, что «Нестор прожил три разноязычных человеческих возраста» [3, С. 10]. Таким образом, Нестор должен был быть Героическим Характером Хронологии, установленной согласно трем языкам, соответствующим трем Векам Египтян; поэтому выражение «прожить Нестеровы годы» значит то же, что и выражение «быть старым как мир». Второе место в «Илиаде», выбранное для доказательства, – то, где Эней рассказывает Ахиллу, что «разноязычные люди начали заселять Илион после того, как Троя была перенесена на берег моря, и Пергам стал ее кремль» [4, С. 245].

Дадим характеристику доказательствам: первый из них, появившийся на заре приобщения языческих наций к культуре, Вико описывает как немой язык вещей, связанных с идеями того, что они должны обозначать. Вико именует этот язык иероглифическим, божественным, священным языком. Он берет свое начало с появления возвышенного Мифа о Юпитере, так же возвышенно одновременно с этим появилась в своих началах и поэтическая речь, возникшая путем ономастии. Этот священный язык позже становится речью, которой владеют первые поэты-теологи (это были сами герои, создающие мифы), говорившие с помощью божественных поэтических характеров и именующие вещи в соответствии с их природой (в христианской традиции, например, это доступно Адаму), хранящие свои профессиональные секреты, осознанно не раскрывая разгадки шифрования для всех, кто не владеет поэтическим искусством. «Поэтическое – это нечто сверхъестественное, направляющее человека через чувственные знаки, являющиеся указками Бога» [5, С. 6]. Вико упоминает об этом в одном из своих философских доказательств открытия истинного Гомера, которое приведено под номером XI: «Смысл Поэзии доказывает, что никому невозможно стать одинаково возвышенным Поэтом и Метафизиком: ведь Метафизика абстрагирует сознание от чувств, а Поэтическая Способность должна погрузить все сознание в чувства; Метафизика возвышается до универсалий, а Поэтическая Способность должна углубиться в частности» [4, С. 504].

Поэтическая речь выражается через поэтические характеры, представляющие собой содержание какой-либо идеи общего в частном, сжатие смысла. Вико пишет: «Эти Характеры были, оказывается, некими Фантастическими Родовыми понятиями, то есть образами по большей части одушевленных существ. Богов или Героев, созданных фантазией первых людей; к ним они сводили все виды или отдельные явления, относящиеся к каждому роду; совершенно так же Мифы человеческих времен...оказываются интеллигибельными, то есть рациональными родовыми понятиями» [4, С. 71]. Автор объясняет эту способность воображением человека, способным, подобно божественному, расширяться с помощью фантазии. Философ указывает, что самый необходимый при этом инструмент – это метафора, таким образом, «...первые Поэты наделяли тела бытием одушевленных субстанций, обладавших только тем, на что они сами были способны, т. е. чувством и страстью; так Поэты создавали из тел Мифы, и каждая метафора оказывается маленьким мифом». Следовательно, метафора позволяет сжимать информацию. Вико обращает внимание на тот факт, что понимание этой мысли достаточно сложно для современного человека из-за разницы в мышлении: «Мы говорим здесь это для того, чтобы предупредить тебя, читатель, о большой трудности, с которой ты должен будешь встретиться в понимании Оснований; трудность заключается в способе мышления поэтическими характерами, последнее же теперь невозможно вообразить себе» [4, С. 70].

В качестве второго доказательства автором обозначен язык героических характеров, символический язык, покоящийся на основании подобий (у Гомера они известны как *οἶματα* – знаки), в них послание передавалось с помощью таковых «знаков», или, как их называет Вико, «героических гербов». Этими знаками писали герои.

Таким образом, героическая поэзия возникла вслед за божественной у всех языческих наций. Эти символы были метафорами, сравнениями, подобиями, и, как пишет Вико, «...позднее в артикулированном языке они составляют все богатство Поэтической Речи» [4, С. 251]. Например, во времена Вико тосканские земледельцы, вместо того, чтобы сказать об отрезке времени длиной в три года, говорили: «Мы жали уже три раза». Это был язык благородных, которые «...верили, что их природа имеет некое Божественное Происхождение и что потому им преимущественно принадлежат боги и, следовательно, auspicii богов, в силу чего они сохраняли в пределах своих Сословий все

публичные и частные права Героических Городов; для плебеев же, которые, по их верованиям, имели скотское происхождение и, следовательно, были людьми без богов, а потому и без ауспиций, они допускали только пользование естественной Свободой» [4, С. 233]. В этом заключается важное отличие речи благородных от простонародной речи, что и лежало в основе аристократических республик до появления народной свободы, которая привела к трансформации аристократических республик в форму народных. Гомер упоминает про два вида героических собраний: «...одно, называемое βουλή, – тайное, где собирались Герои, чтобы устно совещаться о законах, и другое, называемое ἀγορά, – общественное, на котором так же устно законы обнародовались» [4, С. 101], так как простонародные буквы еще не были изобретены. Не подлежит сомнению факт, что героический язык – это язык оружия, права Ахилла, и только благородные (в героические времена наций) имели право носить оружие, а в военное время имели право на добычу в отличие от плебеев, помогавших им. Вико особенно много внимания уделяет таким помощникам, из которых происходит сословие семей, а также рабов, ставших впоследствии плебеями в героических городах благородных и в союзных провинциях для господствующих наций. Плебеи, разделяющие с благородными опасности войны, право на добычу не имели. Военная наука, как пишет Вико, до сих пор (что мы считаем верным) говорит на этом героическом языке. Примерами героического языка являются как вполне реальные вещи, например, когда солдаты вывешивают на видное место военные трофеи, поднимают знамя над побежденным городом или элементы мифа о Персее, пригвоздившему голову медузы к своему щиту; так и вещи абстрактные: например, зерно именуется «золотом» (здесь мы видим перенос или даже продолжение семиотической цепочки, где идея золотого летнего плода и природного дара – яблока, собираемого, как и зерно, летом, распространяется на золотые колосья). С помощью уборки урожая крестьяне измеряют года.

Далее мы видим, что золотом стали называть также шерсть высокого качества. В мифе Гомера аргонавты отправляются в поход с целью похитить золотое руно, а Атрей сокрушается, что Тиест крадет у него золотых овец. Гомер, как первый и величайший героический поэт, зовет царей словом λοῦρῆλος, что трактуется как «богатый стадами», а у древних латинян наследство называется словом «rescupia» от «rescus» – скот, как и у римлян в законах XII Таблиц в главе о завещаниях. Аналоги мы находим и у древних германцев, у которых, по сообщениям Тацита (в пятой главе книги о происхождении германцев и местоположении Германии), «скот – это единственное и самое любимое богатство». Необходимо отметить тот факт, что Нил был прозван «χρυσόροας» – буквально «текущее золото», так как он служит орошению и способствует обильному урожаю. В качестве еще одного примера сообщения на героическом языке приведём послание Тарквиния Гордого своему сыну в Габию, в котором заставляет посланника сына смотреть, как сам он палочкой сшибает головки мака. Посланник не может понять его смысла, в отличие от сына Тарквиния, имеющего героическое происхождение. Еще одно отличие героического языка в области поэзии – это способность перерабатывать иностранные слова, избегая заимствований.

Третий вид языка появляется у плебеев, которые населяли первые героические города. Этот вид языка обязан своим происхождением народной среде. Сначала он появился в виде человеческих звуков речи, которые впоследствии стали знаками с артикуляцией. Интересно на этот счет упоминание у Вико о том, что «...эти языки в подлинном смысле латиняне называли «vernaculae» от «vernae» – буквально означающее «рабы», как рожденные дома от взятых в плен на войне, то есть рабы, которые естественно овладевают языками народов, которым они стали принадлежать. Однако первоначально и в собственном смысле vernae назывались «famuli» (помощники) Героев в состоянии Семей; из них составил народ первых плебеев Героических Городов; это были прототипы рабов, которых Города под конец создавали для себя во время войн. Все это подтверждается двумя языками, о которых говорит Гомер, языком богов и языком Людей» [4, С. 256]. Этот язык, в отличие от предыдущих, почти целиком артикулирован, и Вико объясняет истоки его артикуляционного появления на следующих примерах: «По шуму грома латиняне первоначально называли Юпитера Jous; греки по свисту молнии называли его Ζεύς; по звуку, который производит огонь, когда он сжигает, восточные люди должны были называть его Ur, – отсюда Урим, «сила огня»; то же самое происхождение должно было у греков породить название οὐρανός – «небо», а у латинян глагол urō – «жечь» и «когда от первых молний в людях начало пробуждаться удивление, тогда же зародилось и первое Междометие, относящееся к Юпитеру и образованное как слово «ра». Это междометие, имеющее значение «удивление», впоследствии сохранилось с удвоением «рара», откуда позже родилось прозвище для Юпитера «Pater» – «Отец» людей и богов. Так все боги стали называться Отцами, а все богини – Матерями. Еще позже эти прозвища стали переносить на мужчин и на женщин, и последние стали называться богами и богинями» [4, С. 261-262].

Итак, посредством слов, установленных народным соглашением каждой нации для повседневных нужд и передачи информации, а также для написания законов, возник язык. С его помощью придают смысл законам. Он становится обязательным для благородных в той же степени, как и для плебса.

Теперь обратимся к следующему вопросу: «Почему язык богов, описанный в поэмах Гомера, часто принимают за речь Божественную», хотя он не является таковым на самом деле, а представляет собой речь первых благородных. Еще Дион Хризостом заметил это, пытаясь уличить Гомера в обмане (будто бы тот понимал язык богов, что недоступно для людей) и «...древние комментаторы относятся к этому предельно серьезно, считая необходимым выяснить, откуда Гомер знает язык бессмертных: был ли он вскормлен Музами, или вдохновлен ими, или просто научился у них» [7, С. 51]. Мы видим это в «Илиаде» – первое упоминание относится к тому, как люди и боги зовут сторукого великана. «Боги зовут его Бриареем, а среди людей зовется он Эгеоном» [3, С. 13]. Описание такой этимологии мы находим у К. Г. Красухина: «Этимология обоих имён относительно прозрачна. Имя βριάρεω, очевидно, связано с прилагательным βριάρος 'сильный' <...> далее этот же корень может присутствовать и в βαρύς 'тяжёлый' (а также др.-инд. gūṛí, лат. gravis). Причастие αἰψάων дословно означало 'волнующийся' является словом догреческого происхождения» [8, С. 192].

Второе доказательство обнаруживается при упоминании о птице: «боги называют её χαλχίδα, а люди зовут – κῆνιδιν – ночной ястреб» [3, С. 201]. Подобный контекст находится в повествовании о том, что «...реку Трои боги

называют Ксантом, а люди – Скамандром» [3, С. 285]. В «Одиссее» такие контексты имеются в двух местах: первый – «боги называют *πλαυκτάς πέτρας* это то, что люди называют «Сцилла» и «Харибда» [9, С. 137]. Далее Меркурий сообщает Улиссе средство от колдовства Цирцеи, вручая ему растение (божественный Эрмий), вырванное из земли. При этом рассказывает о том, что «боги это растение называют *ῥόλου*, и людям ж вырвать его невозможно, и поэтому на языке людей нет у него названия» [9, С. 114].

Из вышесказанного мы можем сделать вывод о том, что язык богов давал название предметам по их качествам, делая это мотивированно, что было свойственно богам, отсюда и появляется именование богов словом «*Patres*», буквально «тот, кто делает», от слова «*patrare*» – вершить, приводить в действие.

Отвечая на ранее поставленный вопрос, отметим, что в первые времена языческих наций герои, благородные отцы семейств, приписывали себе полубожественную природу, отделяя себя от плебса, видя свое отличие в том, что они являются потомками погребенных. Так, у Ливия один плебейский трибун говорит о патрициях: «*qui possunt nomine sive patrem* – это те, кто может назвать родовые имена своих отцов» [10, С. 464]. О них же Вико пишет: «Это и означает то же самое, что и выражение «сыновья земли», греки называли это словом «*Αυτόχθονες*», а у латинян мы находим наименование «*indigenae*». Гомер называет греков «сынами Ахейскими» [3, С. 42].

Благородные отцы семейства приписывали себе полубожественную природу, считая, что они рождены по-человечески, в страхе перед Божеством, а не в скотском состоянии вне семьи и священного брака (который у латинян назывался *Conubium*). Таким образом, плебс в героические времена представлял собой отличную от благородных нацию, по отношению к которой герои клялись быть вечными врагами. Этому факту мы находим подтверждение у Аристотеля, в его трактате «Афинская полития» [10, С. 3-131].

Заключение

Представленный анализ подводит нас к следующим выводам:

Герои, именуемые у Вико как «Благородные Отцы первых родов языческих наций», верили, что по своей природе они имеют божественное происхождение, так как родились в торжественном браке. Их божеством у латинян была Юнона, а у греков она называлась *Ἥρα*, откуда и происходит слово «*Ἥρας*» – «герои». Герои считали свою природу героической, то есть смешанной из природы божественной и людской, и им были доступны божественные ауспиции, с помощью которых они повелевали плебсом. Последние же, в силу своего «скотского» происхождения, являлись людьми без божественного покровительства, без ауспиций, и могли надеяться только на естественную свободу. Именно о таком языке божественных ауспиций и упоминает Гомер (говоря о языке более древнем, чем его собственный). Поэтому у Гомера следует подразумевать Героев, когда он говорит про язык богов. Об этом у Вико выставлена аксиома номер XXIX, из которой следует, что в противоположность плебеям, которых Герои называли «люди», первые могущественные Герои брали для себя имена богов. Этим могущественным людям поклонялись, словно богам, первые невежественные люди, удивляясь их доблести, преклоняясь перед их властью, культурой. Об этом писал и Лактанций в своих «Божественных установлениях». Но так как оказывать почитание было необходимо прежде всего самому божественному имени, которым они называли и божество, то произошло разделение на «бессмертных богов», то есть божественные имена, и «смертных богов», то есть этих героев. Здесь мы видим источник таких именований, как: *Gentes Majores*, то есть бессмертные боги, известные у греков как *δῶδεχα*, и *Gentes minores*, так называемые созданные боги, к которым римский народ отнёс Ромула, назвав его богом Квирином. Таким образом, приведенные нами гомеровские наименования различий языка профанного и сакрального оказываются не чем иным, как отличием речи благородных от простонародной речи, как элемент классовой борьбы «героев и людей», что и закреплено в литературных памятниках.

В результате нами выполнена задача дополнения оппозиции «языка богов» и «языка людей» в мифопоэтической традиции индоевропейских народов новым элементом.

Перспективы дальнейшего исследования нам видятся в изучении архаического языка героической поэзии и его отражение в действительной (реальной и мифологической) картине мира первых языческих наций.

Благодарности

Автор выражает благодарность научному руководителю – профессору Проскурину Сергею Геннадьевичу за мотивацию к исследованиям.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Acknowledgement

The author is grateful to scientific advisor, Professor Proskurin Sergey Gennadyevich, for the motivation for the research.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. I / Платон; общ. ред. А. Ф. Лосева и др. — Москва: Мысль, 1990. — 860 с.
2. Watkins C. How to Kill a Dragon: Aspects of Indo-European poetics / C. Watkins. — Oxford: Oxford University Press, 1995. — 613 p.
3. Гомер. Илиада / Гомер ; пер. Н. И. Гнедича. — СПб.: Наука, 2008. — 574 с.

4. Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций / Д. Вико; пер. с итал. и комм. А. А. Губера; вступ. ст. Ю. В. Ивановой, П. В. Соколова. — Москва: РИПОЛ классик, 2018. — 704 с.
5. Тацит К. Сочинения в двух томах. Том I. «Анналы. Малые произведения» / К. Тацит. — Москва: Ладомир, 1993. — 736 с.
6. Неретина С. С. Поэтическая история Вико: о смысле маргинального / С. С. Неретина // Vox. Философский журнал. — 2017. — № 22. — URL: <https://vox-journal.org/content/Vox%2022/Vox22-Neretina-Viko.pdf> (дата обращения: 12.04.2023)
7. Gera D.L. Ancient Greek Ideas on Speech, Language, and Civilization / D.L. Gera. — Cambridge University Press, 2003. — 272 p.
8. Красухин К. Г. Язык богов, язык людей, имя в индоевропейской поэтике / К. Г. Красухин // Критика и семиотика. — 2015. — № 1. — С. 191-198
9. Тит Ливий. История Рима от основания города / Тит Ливий. — Москва: Наука, 1989. — 579 с.
10. Аристотель. Афинская полития / Аристотель. — Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. — 255 с.
11. Лактанций. Божественные установления. Книги I-VII / Лактанций ; Пер. с лат., вступ. ст. В. М. Тюленева. — СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007. — 512 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Plato. Sobranie sochinenij [Collected Works] in 4 volumes: Vol. I / Plato; general ed. by A. F. Losev [et al.] — Moscow : Mysl, 1990. — 860 p. [in Russian]
2. Watkins C. How to Kill a Dragon: Aspects of Indo-European poetics / C. Watkins. — Oxford: Oxford University Press, 1995. — 613 p.
3. Homer. Iliada [Iliad] / Homer; translated by N. I. Gnedich. — St. Petersburg: Nauka, 2008. — 574 p. [in Russian]
4. Vico D. Osnovaniya novej nauki ob obshhej prirode nacij [The Foundations of a New Science about the Common Nature of Nations] / D. Vico ; trans. from Italian. and comm. by A. A. Huber; intro. art. Yu. V. Ivanova, P. V. Sokolova. — Moscow: RIPOLL classic, 2018. — 704 p. [in Russian]
5. Tacitus K. Sochineniya v dvuh tomah. Tom I. "Annaly. Malye proizvedeniya" [Works in Two Volumes. Volume I. "Annals. Small Works"] / K. Tacitus. — Moscow: Ladomir, 1993. — 736 p. [in Russian]
6. Neretina S. S. Pojeticheskaja istoriya Viko: o smysle marginal'nogo [Poetic History of Vico: on the Meaning of Marginal] / S. S. Neretina // Vox. Filosofskij zhurnal [Vox. Philosophical Journal]. — 2017. — No. 22. — URL: <https://vox-journal.org/content/Vox%2022/Vox22-Neretina-Viko.pdf> (accessed: 12.04.2023) [in Russian]
7. Gera D.L. Ancient Greek Ideas on Speech, Language, and Civilization / D.L. Gera. — Cambridge University Press, 2003. — 272 p.
8. Krasukhin K. G. Jazyk bogov, jazyk ljudej, imja v indoevropeskoj pojetike [The Language of Gods, the Language of People, the Name in Indo-European Poetics] / K. G. Krasukhin // Kritika i semiotika [Criticism and Semiotics]. — 2015. — № 1. — P. 191-198 [in Russian]
9. Titus Livius. Istorija Rima ot osnovaniya goroda [The History of Rome from the Founding of the City] / Titus Livius. — Moscow: Nauka, 1989. — 579 p. [in Russian]
10. Aristotle. Afinskaja politija [Athenian Politics] / Aristotle. — Moscow: State Socio-Economic Publishing House, 1937. — 255 p. [in Russian]
11. Lactantius. Bozhestvennye ustanovleniya [Divine Regulations]. Books I-VII / Lactantius; Trans. from Latin, intro. V. M. Tyulenev. — St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House, 2007. — 512 p. [in Russian]